

М $\frac{63}{224}$

АН. ТИТОВЪ.

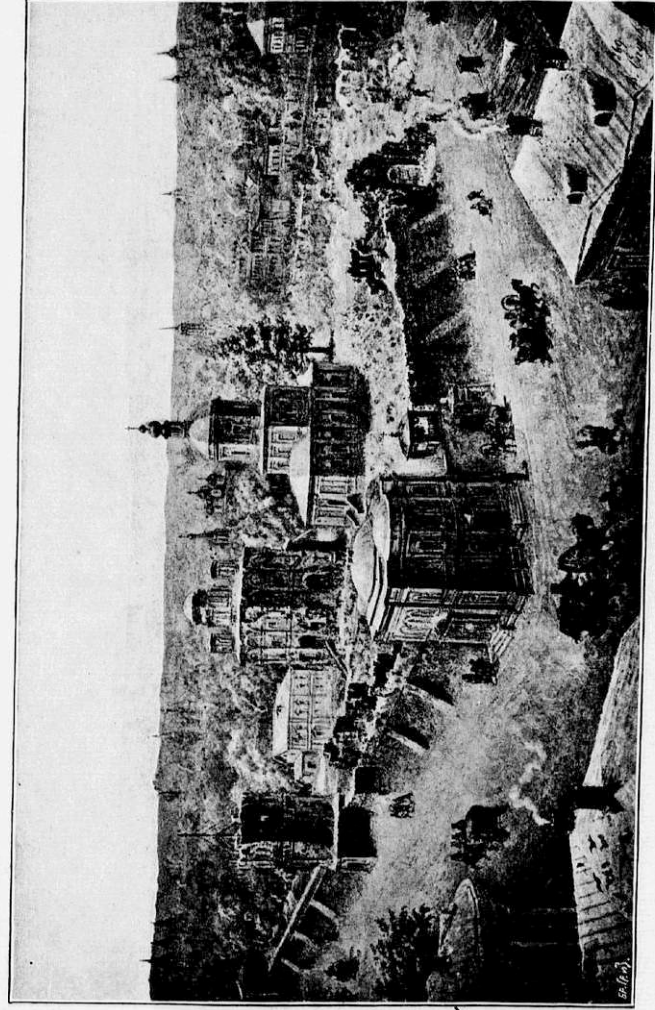
801-14
45

КЪ ИСТОРИИ
СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ЦЕРКОВНЫХЪ ВОТЧИНЪ.

2011094309

Богоявленский Монастырь в 1869 году после пожара 1847 года.

Къ исторіи секуляризаціи церковныхъ вотчинъ.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи IV Костромскаго Областнаго Археологическаго Съѣзда 22 іюня 1909 г.).

Предлагая просвѣщенному вниманію Г.г. членовъ настоящаго Съѣзда напечатанные мною матеріалы, касающіеся Костромской старины, позволяю себѣ въ дополненіе и объясненіе ихъ связи съ общей русской исторіей сказать нѣсколько словъ.

Базисомъ своихъ работъ, предназначенныхъ для Съѣзда, я ставлю изслѣдованія объ упраздненныхъ монастыряхъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ „Упраздненные монастыри Костромской епархіи“ я указалъ, что главнымъ источникомъ для составленія этой брошюры послужили рукописи покойнаго († 3 февр. 1866 г.) костромскаго историка, протоіерея М. Я. Діева. Кромѣ того, я пользовался и другими рукописями, принадлежащими мнѣ и собранію И. А. Вахромѣева, а въ особенности — изслѣдованіями покойнаго (11 февр. 1878 г.) протоіерея І. Д. Троицкаго, историка Ярославской епархіи. Я включилъ въ свою книгу лишь 53 упраздненныхъ монастыря, опустивъ тѣ, которые впослѣдствіи были отчислены къ Ярославской епархіи. Этотъ пропускъ сдѣланъ мною на томъ основаніи, что въ своихъ предыдущихъ трудахъ¹⁾ я имѣлъ возможность довольно подробно коснуться исторіи указанныхъ монастырей, упраздненныхъ въ разное время.

Костромская территорія съ давнихъ временъ входила въ составъ обширной Ростовской епархіи, предѣлы которой совпадали съ границами Ростовскаго княжества. Затѣмъ, при учреж-

¹⁾ Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромѣеву. Описаніе, вып. V. М. 1906; приложения, стр. 118—224. — Городъ Любимъ и упраздненные обители въ Любимѣ и его уѣздѣ. М. 1890. — „Христіанинъ“, 1909, № 3, стр. 639—650.

дені въ 1213 г. епархіи Суздальской, часть Костромской области отошла къ послѣдней, и только въ 1745 г. изъ этой области была образована самостоятельная епархія. Въ 1788 г., при округленіи границъ епархій сообразно съ предѣлами намѣстничествъ, г. Любимъ съ близлежащими селами отошелъ отъ Костромской епархіи къ Ярославской, а нѣсколько сель по нагорной сторонѣ Волги—наоборотъ отъ Ярославской къ Костромской. Извѣстно, что обитатели всѣхъ сѣверовосточныхъ епархій древней Руси отличались склонностью къ подвижничеству. Объ этомъ свидѣтельствуетъ многочисленный сонмъ св. угодниковъ, а также повсемѣстное обиліе монастырей и пустынь, большинство которыхъ теперь уже не существуетъ. Огромное количество монастырей Сѣверной Руси обращало на себя особое вниманіе древнихъ путешественниковъ — иностранцевъ. Такъ, по свидѣтельству Флетчера,¹⁾ у русскихъ „монашествующихъ—безчисленное множество, гораздо болѣе, нежели въ другихъ государствахъ, подвластныхъ папѣ. Каждый городъ и значительная часть всей страны ими наполнены, ибо они умѣли сдѣлать, что всѣ лучшія и пріятнѣйшія мѣста въ государствѣ заняты обителями или монастырями, сооруженными во имя того или другого святого“. Костромская область являлась въ данномъ отношеніи однимъ изъ центровъ, куда съ конца XIV вѣка усиленно направлялась монастырская колонизація. „Водораздѣлъ Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучимъ Комельскимъ лѣсомъ, сталъ русской заволжской Тиваидой“²⁾. Въ синодальную рукопись XVI—XVII в. „Книга глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ“ внесено 15 именъ костромскихъ угодниковъ; а по общему перечню, всѣхъ монастырей въ Костромской епархіи насчитывалось, включая сюда и донныя существующіе, болѣе 80.

По моему глубокому убѣжденію, разработка свѣдѣній, касающихся монастырей, въ особенности—упраздненныхъ, должна обязательно входить въ задачу cadaго областного съѣзда. Только при такой постановкѣ дѣла можно подробно, точно, по частямъ возсоздать исторію русскихъ монастырей, игравшихъ значительную роль въ развитіи общественной и политической жизни Россіи. И чѣмъ скорѣе приступлено будетъ къ общей работѣ, тѣмъ продуктивнѣе будетъ самый трудъ. Всякій разъ, когда я касаюсь этого вопроса, мнѣ невольно приходитъ на память „Упраздненный монастырь“—извѣстное стихотвореніе Ап. Ник. Майкова.

¹⁾ „О Государствѣ Русскомъ“. СПб. 1906, стр. 98—99.

²⁾ В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. М. 1906, часть II, стр. 315.

„Все тихо валится кругомъ...
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ“...

Всесокрушающее время каждый день уноситъ драгоценныя частицы матеріаловъ; при этомъ исчезаютъ безслѣдно и связанные съ ними историческія воспоминанія. А между тѣмъ исторія русскихъ монастырей и монашества далеко не разработана. При изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи монастырей вообще, ихъ владѣній и имущественныхъ отношеній къ мірянамъ, мнѣ часто приходилось наталкиваться на пробѣлы даже въ такихъ капитальныхъ трудахъ, какъ работы преосв. Амвросія Орнатскаго, П. Чудитскаго и В. Звѣринскаго. Эти пробѣлы нерѣдко касаются и Костромской епархіи. Такъ, у Чудитскаго упраздненныхъ монастырей въ Костромской епархіи названо лишь 38; около того же можно насчитать и у Звѣринскаго, тогда какъ по рукописямъ, напечатаннымъ въ разныхъ изданіяхъ свѣдѣніямъ и историческимъ актамъ ихъ оказывается гораздо больше. Въ представляемой мною брошюрѣ ихъ въ нынѣшнихъ границахъ Костромской епархіи указано 53, но и это число бывшихъ монастырей едва ли можно признать вѣрнымъ: вражескіе набѣги, наводки, пожары, грабежи уничтожили, безъ сомнѣнія, существовавшіе памятники и документы многихъ обителей, а время—и самую память о нихъ. Свѣдѣнія относительно костромскихъ монастырей, какими мы располагаемъ въ настоящее время, даютъ возможность признать такую гипотезу вполне достовѣрной.

Упомянувъ о неполнотѣ свѣдѣній, относящихся къ исторіи монастырей, позволяю себѣ, въ качествѣ доказательства, обратить вниманіе на упомянутый въ „Исторіи Россійской Иерархіи“ преосв. Амвросія „Ивановскій монастырь, находившійся въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу р. Волги, при устьѣ рѣчки Костромы, отъ Юрьевца къ югу въ 15 верстахъ“. Вся исторія этого монастыря заключается только въ указаніи его мѣстоположенія, памяти же о немъ не сохранилось. Но вѣдь преосв. Амвросій, печатая VII томъ своей „Исторіи“ въ 1815 г., конечно, имѣлъ подъ руками болѣе подробные матеріалы. Гдѣ они? Нельзя искренно не пожалѣть о массѣ безслѣдно погибшихъ монастырскихъ документовъ и синодскихъ бумагъ относительно монастырей, находившихся въ распоряженіи преосв. Амвросія Орнатскаго, Евгенія Болховитинова и В. Г. Анастасевича. Такъ, по смерти послѣдняго, вся его драгоценная биб-

лютека и оставшіяся рукописи были зашиты въ кули и, въ ожиданіи наслѣдниковъ, свалены въ какой-то сарай. Цѣлыхъ 20 лѣтъ пролежали они тамъ среди грязи и сырости, пока наконецъ полиція не рѣшила продать ихъ съ публичнаго торга, гдѣ маклаки купили эти кули по 30 коп. за пудъ. Вотъ почему „Исторія“ пр. Амвросія представляетъ собою одно изъ тѣхъ произведеній, относительно которыхъ и время оказывается безсильнымъ: прошло почти уже цѣлое столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ появился этотъ трудъ, но и доннѣ онъ является однимъ изъ капитальнѣйшихъ пособій, несмотря на свои дефекты, для всѣхъ занимающихся исторіей русской Церкви. Трудно рассчитывать на скорое составленіе новаго изданія исторіи Россійской іерархіи по прежнему методу: едва ли кто-либо изъ столповъ современнаго ученаго монашества, при частоящихъ условіяхъ его жизни, службы и дѣятельности, возьметъ на себя такой тяжелый, громоздкій и неблагодарный трудъ.

Право вотчиннаго владѣнія служило одной изъ главныхъ причинъ широкой распространенности и обилія монастырей. Поэтому секуляризація церковныхъ имуществъ и введеніе штатовъ въ 1764 г. нанесло смертный ударъ монастырской колонизаціи. При этомъ главную роль играла, конечно, самая секуляризація, такъ какъ штаты являлись лишь простымъ логическимъ выводомъ изъ нея. Во всякомъ случаѣ манифестъ 26 февраля 1764 г. создалъ новую эпоху въ исторіи упраздненныхъ монастырей. Согласно штатамъ изъ 954 великорусскихъ монастырей въ 1786 г. было упразднено 569 и оставлено за штатомъ 161; а къ концу царствованія Екатерины II изъ 1072 великороссійскихъ и малороссійскихъ обителей оставалось только 452 монастыря. Возвращаясь къ монастырямъ Костромской епархіи, мы видимъ, что половина общаго числа указанныхъ нами обителей была уничтожена именно при введеніи штатовъ; при этомъ многіе изъ нихъ были закрыты далеко не потому, что „оскудѣли житіемъ“, по выраженію Майкова.

Въ виду важности вопроса о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, я останавлиюсь нѣсколько подробнѣе на исторіи этого вопроса, основываясь какъ на подлинныхъ актахъ, такъ и на печатныхъ изслѣдованіяхъ¹⁾.

¹⁾ П. В. Знаменскій. Церковныя вотчины при Петрѣ Великомъ. „Православный Собесѣдникъ“, 1864, т. I, стр. 127—152, 247—279.—П. В. Верховской. „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго (15 іюля 1726 г.—12 мая 1763 г.)“. СПб. 1909.

Вопросъ о церковныхъ вотчинахъ возникъ еще въ XIV в. и сразу былъ поставленъ довольно широко какъ въ практическомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніяхъ. Гражданская власть, возбуждая и рѣшая этотъ вопросъ, имѣла въ виду, конечно, свои чисто-финансовыя интересы, но среди монашества нашлись противники вотчиннаго права, разсматривавшіе принципиально его примѣнимость съ богословской точки зрѣнія, и мало-по-малу этотъ вопросъ разросся въ цѣлое общественное движеніе. Такъ, Иванъ III, завоевавъ Новгородъ, отобралъ тамъ церковныя вотчины и роздалъ ихъ своимъ служилымъ людямъ. На соборѣ 1503 г., при столкновеніи Нила Сорскаго съ Іосифомъ Волоцкимъ, общинное владѣніе встрѣтило рѣзкую критику со стороны перваго. Правда, практическая побѣда осталась въ данномъ случаѣ на сторонѣ „іосифлянъ“, но эта побѣда подала поводъ къ страстной полемикѣ, которая показала, что вопросъ былъ далеко не рѣшенъ. Яркими противниками іосифлянъ выступили Вассіанъ Косой, Максимъ Грекъ и впослѣдствіи—князь Курбскій. Со времени Іоанна Грознаго началось уничтоженіе монастырскихъ привилегій и отнятіе жалованныхъ грамотъ, хотя, впрочемъ, этимъ мѣропріятіямъ, вмѣстѣ съ постановленіями соборовъ 1551 и 1580 г.г., не было суждено осуществиться въ полной силѣ, вслѣдствіе того, что самъ Грозный своими распоряженіями часто нарушалъ эти постановленія. Для примѣра укажу на Костромскую Талицкую волость, приложенную въ 1552 г., т. е. вскорѣ послѣ Стоглаваго собора, въ Суздальскій дѣвичій Покровскій монастырь. Уложеніемъ Алексѣя Михайловича безусловно запрещено было монастырямъ пріобрѣтать вотчины; часть церковныхъ земель въ это время была даже отписана въ казну, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ торговыхъ людей на то, что монастырскіе посадскіе и слобожане, торгуя безошлинно, отбиваютъ у нихъ промыслы. При этомъ Алексѣй Михайловичъ имѣлъ намѣреніе отнять у монастырей всѣ вотчины, которыя они пріобрѣли послѣ постановленія собора 1580 г. Въ 1672 г. были окончательно уничтожены всѣ тарханныя грамоты, освобождавшія торговлю и промыслы монастырей отъ сборовъ въ казну, что вызвало массу слезныхъ челобитныхъ со стороны обителей. Но государственная власть и въ это время все еще продолжала колебаться съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Наступило царствованіе Петра. Мало цѣня духовное служеніе, онъ открыто заявилъ, что считаетъ монашество учрежденіемъ бесполезнымъ для общества, монастырскія владѣнія—„тунегиблемыми“, а монаховъ—„пустокормами“. Правда, изда-

вая свои указы относительно монаховъ и монастырей, Петръ нерѣдко заявлялъ, что предпринимаетъ все это въ цѣляхъ нравственнаго улучшения монашества, которое деморализуютъ мірскія вотчинныя заботы и владѣніе богатыми угодьями; но все это являлось лишь повтореніемъ мотивовъ, которые Русь слышала лѣтъ 200 тому назадъ, между тѣмъ какъ тенденція указовъ была вполне ясна. И вотъ, Петръ, со свойственной ему настойчивостью и стремительностью, взялся за рѣшеніе вопроса о монастырскомъ вотчинномъ владѣніи. Всѣ привилегіи были отмѣнены; при чемъ самыя жалованныя грамоты, вмѣстѣ съ другими историческими матеріалами, въ 1720 г. было велѣно высылать въ Москву. Отмѣчая это распоряженіе, я не берусь судить: какія послѣдствія принесло оно для русской науки вообще и для насъ, скромныхъ тружениковъ по областной исторіи въ частности? Далѣе, покупка и мѣна вотчинъ при Петрѣ I были окончательно воспрещены монастырямъ и архіереямъ; всѣ оброчныя статьи были обложены налогомъ; рыбныя ловли, солянныя варницы, вмѣстѣ съ цѣлыми вотчинами нѣсколькихъ монастырей, были отписаны въ казну; подушный окладъ и вызовы на обязательныя государственныя работы сравнивали монастырскихъ крестьянъ со всѣми прочими. Въ вѣдѣніе возстановленнаго въ 1701 г. Монастырскаго Приказа поступили не только монастырскія, но также—архіерейскіе вотчины и дома, при чемъ правительство захватило въ свое распоряженіе и нѣкоторые другіе архіерейскіе доходы, уже чисто-церковные, напр., данныя деньги съ приходскихъ церквей, сборъ съ храмозданныхъ грамотъ, плату за вѣчныя памяти. Отстранивъ монашество отъ вотчиннаго владѣнія, Петръ въ указахъ о малобратственныхъ монастыряхъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ къ прямому упраздненію обителей, и число ихъ стало сразу сокращаться. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о Спасозапрудненскомъ и Симеоновскомъ Богородице-Ѳеодоровскомъ монастыряхъ даютъ возможность заключать, что и Костромская епархія въ этомъ случаѣ не избѣгла общей участи. Синодъ въ данномъ случаѣ являлся лишь исполнителемъ высшихъ велѣній. Каждая реформа Петра была встрѣчаема съ неудовольствіемъ, а иногда—и съ открытымъ протестомъ, такъ какъ всѣмъ приходилось терпѣть отъ тяжести платежей и налоговъ. Но противъ реформы, касающейся монастырей, общество не протестовало, а скорѣе сочувствовало ей: всѣ сознавали, что, съ возложеніемъ земскихъ повинностей на монастыри, спадала нѣкоторая доля тяготы съ земства, да и монашество, вслѣдствіе своихъ безчисленныхъ

многолѣтнихъ тяжбъ съ мірянами изъ-за земли и воды, уже не пользовалось прежнимъ уваженіемъ. Зато сами монахи горячо стояли за свои интересы. „Разореніе монашества“—вотъ основной мотивъ ихъ протестовъ. Есть указанія на попытки монаховъ вести отдѣльную самостоятельную агитацію въ защиту своихъ интересовъ среди мѣстнаго населенія, но Петръ хорошо умѣлъ сдерживать взрывы общественнаго негодованія. Въ этой глухой затасенной борьбѣ вполне ясно обнаружилось, что у обѣихъ сторонъ чисто-матеріальный интересъ стоялъ на первомъ планѣ. Реформы Петра навсегда изъяли церковныя вотчины изъ частнаго владѣнія, подчинивъ ихъ Синоду, какъ центру общаго церковнаго управленія. Преемникамъ преобразователя предстояло рѣшить другую, уже болѣе легкую половину задачи, а именно—организовать передачу вотчинъ изъ церковнаго управленія въ гражданское вѣдомство, окончательно слить ихъ со всѣми остальными и подчинить основнымъ началамъ общегосударственнаго права.—Въ 1726 г. состоялся указъ о раздѣленіи Синода на два Аппартамента, при чемъ въ вѣдѣніе Перваго Аппартамента были отнесены всѣ духовныя дѣла, а въ вѣдѣніе Второго—всѣ судныя, земскія, денежныя и вотчинныя дѣла; при чемъ членами этого Аппартамента были назначены свѣтскія лица. Въ одномъ изъ слѣдующихъ указовъ Второму Аппартаменту велѣно было именоваться „Коллегіей Экономіи Синаодальнаго Правленія“. Въ законоположеніи о вѣданіи дѣлъ Коллегіей Экономіи на первомъ планѣ былъ поставленъ сборъ „съ синодальныхъ дворцовыхъ вотчинъ и съ заопредѣленныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ оброчныхъ и, сверхъ того, отъ домовъ архіерейскихъ данныхъ денегъ“, а также—пошлинъ съ вѣчныхъ памятей, ставленныхъ и епитрахильныхъ грамотъ. Учрежденіе этой Коллегіи въ корнѣ подрывало принципъ централизаціи финансоваго хозяйства, къ которой стремилось правительство со времени Петра I. Цѣлое финансовое вѣдомство оказалось обособленнымъ отъ общегосударственныхъ учреждений; а потому самое устройство Коллегіи мало подвинуло общее рѣшеніе вопроса къ желаемому концу да не могло достигнуть и прямой цѣли. И мы видимъ, что Коллегія Экономіи на первыхъ же порахъ своей дѣятельности встрѣтила усиленное противодействіе и непреоборимыя препятствія со стороны духовныхъ властей. Дѣло сразу затянулось изъ-за недостатка монастырями соотвѣствующихъ вѣдомостей и описей; а когда оно дошло до правящаго сборовъ и недоимокъ, то почти совсѣмъ остановилось. Коллегія Экономіи разсылала строжайшія предписанія, но они не испол-

нялись; она командировала по монастырям нарочных комиссаровъ, съ особыми полномочіями; эти комиссары пускали въ ходъ все—и увѣщанія, и угрозы, и свои мыщцы, и топтунки, и батоги, и шелепы, и цѣпи, и тюрьмы, но все оказывалось напраснымъ: правезъ шелъ плохо, а недоимки увеличивались. Росту ихъ немало помогали и сами комиссары: пользуясь отсутствіемъ правильного контроля, они усиленно брали взятки и деньгами и натурой, нерѣдко утаивали и растрчивали собранныя деньги, предоставляя монастырямъ и ихъ крестьянамъ отвѣчать за все. Правезу недоимокъ не помогло и царствованіе Анны Іоанновны со всѣми ужасами Бироновицны. Впрочемъ, во время этого царствованія былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ къ полному рѣшенію вопроса: 15 апрѣля 1738 г. Коллегія Экономіи, по именному указу, была передана изъ Синода въ вѣдѣніе Сената. При Елизаветѣ Петровнѣ, всегда покровительственно относившейся къ духовенству и его интересамъ, Коллегія Экономіи въ 1744 г. была закрыта, съ переименованіемъ ея въ Канцелярію Синодальнаго Экономическаго Правленія и съ передачей ея дѣлъ снова въ вѣдѣніе Синода. Въ составъ этой Канцеляріи вошли и духовныя лица. Сборъ опять началъ уменьшаться, средства Канцеляріи—истощаться, а недоимки—возрастать; такъ что въ 1748 г. пришлось затребовать новыя вѣдомости изъ монастырей, и опять поднялась волокита, занявшая почти всю эпоху царствованія Елизаветы. Такимъ образомъ, намѣченное правительствомъ рѣшеніе главнаго вопроса снова отодвинулось на четверть вѣка назадъ. Это поняла и сама Государыня: 30 сентября 1757 г., присутствуя въ Конференціи, она „усмотрѣла, что монастыри суетное себѣ дѣлаютъ затрудненіе управленіемъ вотчинъ, а потому за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“. Руководясь этими соображеніями, Императрица начала было вводить новые порядки, но смерть помѣшала ей осуществить свои планы. Петръ III, извѣстный своимъ нерасположеніемъ не только къ духовенству, но къ самой православной вѣрѣ и Церкви, далъ новый рѣзкій толчекъ ходу начатаго дѣла: рѣшивъ въ точности выполнить планы Петра I, онъ возстановилъ Коллегію Экономіи со всѣми ея правами, ввелъ подушную подать и оброки съ монастырскихъ крестьянъ, назначилъ духовенству жалованье. Подъ вліяніемъ крутыхъ мѣръ реакція среди духовенства снова усилилась на чисто-финансовой почвѣ, но уже очевидно было, что рѣшеніе вопроса близится къ концу, хотя духовенству пред-

стояло пережить еще новую неожиданную перипетію въ борьбѣ за вотчины при Екатеринѣ II. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ эта Императрица, присутствуя въ Сенатѣ, признала отобраніе церковныхъ имѣній „мѣрой необдуманной“; эту мысль она подробнѣе развила въ указѣ отъ 12 авг. 1762 г.: „Отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній учинено безъ всякаго предыдущаго порядка и разсмотрѣнія. Кажется, надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія. Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія“... Далѣе указомъ предписывалось движимыя и недвижимыя имѣнія возвратитъ въ управленіе духовенства, а доходы архіерейскихъ домовъ и монастырей предоставить въ ихъ распоряженіе на покрытіе своихъ нуждъ, согласно Регламенту. Радостно встрѣтилъ Синодъ и духовенство отмѣну распоряженій Петра III... но въ 1763 г. была учреждена свѣтская Коллегія Экономіи, а 26 февраля 1764 г. подписанъ манифестъ, по которому церковныя вотчины окончательно отошли въ казну и были введены монастырскіе штаты. Послѣдствія этого акта обнаружались въ исторіи монастырей, какъ мы указали выше, довольно быстро.

Въ качествѣ исторической справки къ высказываемымъ мною положеніямъ, я взялъ нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи Костромскаго Богоявленскаго монастыря, сгорѣвшаго въ 1847 г., и помѣстилъ эти свѣдѣнія въ приложеніяхъ къ изданной мною книжкѣ „Лѣтопись Костромскаго Богоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 году мая 6 числа“. Конечно, послѣ подробнаго описанія этой знаменитой когда-то обители, составленнаго В. В. Баженовымъ, мнѣ не пришлось сказать много новаго, но какъ самую лѣтопись XVIII в., такъ и приложенія, извлеченныя изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, я считаю нелишними интереса и объясняющими многое въ исторіи монастырей вообще. Богоявленскій монастырь былъ далеко не изъ бѣдныхъ и малобратственныхъ. За нимъ числилось по переписи 1678 г. 1419 дворовъ, по ревизіи 1719 г.—4014 душъ крестьянъ, земли пашенной всякой 4707½ четвертей въ полѣ, покосовъ (копенъ) 8031 и лѣсу 397 десятинъ; а ко времени введенія штатовъ за монастыремъ считалось 17 сель, при нихъ 185 деревень съ 4851 д. крестьянъ. По вѣдомости, составленной послѣ 1739 г., въ немъ насчитывалось 50 лицъ монашествующихъ и властей, т. е. гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ, пользующихся извѣстностью монастыряхъ Синодальной области (Даниловымъ, Николо-Угрѣшскимъ, Іоѳифо-Волоколамскимъ и

др.); при этомъ въ жалованье братіи было опредѣлено 250 руб., 250 четвертей хлѣба; между тѣмъ какъ еще Монастырскимъ Приказомъ на содержаніе властей, монаховъ и служителей этого монастыря было положено 269 руб. 81 коп. и 447 четв. хлѣба да на церковныя потребности—30 руб. Въ вѣдомости о состояніи монастырей, составленной Счетной Экспедиціей Коллегіи Экономіи въ 1739—41 г., касса Богоявленскаго монастыря исчисляется такъ: приходъ окладной—денегъ 742 руб. 85 коп. и хлѣба 206 четв., неокладной—денегъ 238 руб. 84 коп. и хлѣба 423 четв. 2 чтк., итого 981 руб. 69 коп. денегъ и 629 четв. 2 чк. хлѣба; расходъ: платится въ Коллегію Экономіи 699 руб. 38 коп. и 206 четв. хлѣба, оставляется въ монастырѣ 282 руб. 31 коп., изъ которыхъ въ мѣстныя губернскія канцеляріи платится 4 руб. 96 $\frac{3}{4}$ коп., и—217 четв. 2 чк. хлѣба; при этомъ на жалованье отставнымъ штабъ-и оберъ-офицерамъ и солдатамъ, присланнымъ на пропитаніе, монастырь долженъ былъ затратить 68 руб. 92 коп., 50 четв. 6 чк. хлѣба. Если въ приведенныхъ цифрахъ мы примемъ во вниманіе ихъ пропорціональное отношеніе, для насъ станетъ вполне понятнымъ, почему эта обитель, при всѣхъ своихъ средствахъ, уже въ XVIII в. затруднялась ремонтировать пришедшіе въ ветхость храмы и монастырскія зданія, а недомка ея за 1762—1763 г. возросла до 3474 руб.

Нельзя, конечно, отрицать и другихъ, такъ сказать, внутреннихъ причинъ, таившихся въ современныхъ условіяхъ жизни и быта монастырей и способствовавшихъ ихъ упадку. Противники іосифлянъ были во многомъ правы, имѣя въ виду именно эти причины, а ходъ историческихъ событій значительно способствовалъ развитію этихъ причинъ. Государственное хозяйство, разстроенное крупными расходами Петра I, не могло притти въ порядокъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Поэтому о неприкосновенности собственности, а тѣмъ болѣе—церковной собственности, некогда было и думать. „Финансовая борьба свѣтской и духовной власти была въ полномъ разгарѣ. Едва ли которая-нибудь изъ нихъ заботилась о пользѣ Церкви, о просвѣщеніи и благосостояніи народа. Та и другая боролись изъ-за денегъ, не замѣчая за ними болѣе высокихъ и настоятельныхъ религіозно-просвѣтительныхъ задачъ“¹⁾. Разсылка по монастырямъ отставныхъ офицеровъ и солдатъ вносила совсѣмъ нежелательный элементъ въ среду монашества. Наѣзды комиссаровъ и всякаго рода подъячей челяди съ ихъ разнузданными аппетитами не

могли, конечно, научить ничему доброму. И печальные результаты всего этого сказывались постоянно и повсемѣстно. Самоуправство, корыстолюбіе и жестокость о.о. настоятелей съ одной стороны, невѣжество, распущенность и склонность къ кляузничеству братіи—съ другой подрывали въ окрестномъ населеніи всякое довѣріе и уваженіе къ монашествующимъ и отбивали желаніе поддерживать существованіе самыхъ монастырей. Не миновалъ этой участи и Богоявленскій монастырь. Изъ приложеннаго къ „Лѣтописи“ синодскаго дѣла о похищеніи архимандритомъ Софроніемъ церковныхъ вещей, можно убѣдиться, какъ охранялъ этотъ архимандритъ ввѣренное ему имущество. Обдирая съ древнихъ жалованныхъ и жертвованныхъ иконъ и крестовъ оклады, вытаскивая изъ нихъ драгоценные камни якобы для своей новой архимандричьей шапки, сплавляя въ слитки серебро, припрятывая, не вѣдомо для какого умыслу, зерно кафимское, винисы, лалы, червецы и яхонты въ особые мѣшечки,—онъ продавалъ самыя иконы скупщику по „сходной“ даже для того времени цѣнѣ. Любопытно, въ этомъ случаѣ отмѣтить еще то обстоятельство, что мѣстное начальство, въ лицѣ архіерея, всячески прикрывало этого архимандрита, вопреки синодскимъ предписаніямъ. Судя по доносу Макарія, архимандритъ Феодосій, также не жалѣя для себя ничего монастырскаго, скупился для братіи даже на яблоки, которыхъ было премного, и которыя возами посылались въ сосѣдній женскій Анастасіинъ монастырь. Жизнь братіи и пришлыхъ лицъ, угнѣздившихся въ монастырѣ, дополняла эту картину. Въ доношеніи искусившагося въ клязузахъ іеромонаха Макарія, въ концѣ-концовъ сосланнаго за это искусство въ другой монастырь, можно найти немало матеріаловъ для характеристики монастырской жизни, начиная съ „необыкновеннаго хохотанья“ монахинь, гуляющихъ въ саду мужского монастыря, и кончая немилостивными побоями, которые приходилось терпѣть штатнымъ слугамъ обители отъ архимандричьяго келейника—безпаспортнаго дѣтины свѣтской команды. „Русская болѣзнь“—пьянство—одолѣвала всѣхъ: не пощадила она живущаго въ монастырѣ на покоѣ заштатнаго архимандрита Іону, какъ не пощадила и игуменію Анастасіина монастыря. О духовномъ служеніи, объ усовершенствованіи иночества и исправленіи монашествующей братіи заботиться было некому и некогда; а о.о. архимандриты и братія, видимо, основательно забыли прещеніе Апостола: „Ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наследуютъ“ (1 Коринѣ. VI, 10). Далекое неоднократно приходилось Богоявленскому монастырю

¹⁾ Верховской. Населенныя недвижимыя имѣнія, стр. 85.

перевѣдываться и съ Тайной Канцеляріей—по дѣламъ объ оговорахъ въ непристойныхъ словахъ Ея Императорскаго Величества, о напрасномъ кричаніи „слова и дѣла“ по доносамъ о волшебствѣ и волхвованіи. Послѣдняго рода дѣла въ XVII и XVIII в.в. были въ большомъ ходу. Для примѣра укажу на дѣло епископа Костромскаго Геннадія, по приказанію котораго у архимандрита Андроника остригли волосы на головѣ и бородѣ, а снятые съ шести монастырскихъ служителей, заподозрѣнныхъ въ кражѣ, натѣльные кресты были отнесены для волшебства къ женкѣ-ворожейкѣ. Немало хлопотъ причинило монастырю громкое дѣло Тверитинова. Таскали въ Преображенскій Приказъ іеродиаконъ Іону и бывшаго іеромонаха Руфина для свидѣтельствванія: правдали что проживавшій при нихъ въ Богоявленскомъ монастырѣ ученикъ Иванъ Максимовъ въ разговорѣ съ другими учениками молвилъ, что „и Николай Чудотворецъ будетъ въ пеклѣ“; а когда онъ, Максимовъ, захворалъ, и одинъ изъ богоявленскихъ монаховъ сталъ предлагать ему, чтобы онъ обѣщалъ молеbstвовать о здоровьѣ своемъ Николаю Чудотворцу, то Максимовъ плюнулъ и отвѣтилъ, что „Николаю Чудотворцу онъ будетъ поклоняться только въ аду“¹⁾.

Многое пережилъ монастырь въ это тяжелое для обитателей время. Спрашивается: чего же онъ могъ ожидать отъ правительства и окрестнаго населенія, знавшаго все это?...

Въ третьей изданной мною книжкѣ „Старинные волости и станы въ Костромской сторонѣ“ я помѣстилъ довольно подробный трудъ о. М. Я. Діева, законченный имъ незадолго до смерти. Главное достоинство этого труда со стороны его обработки заключается въ томъ, что авторъ умѣло воспользовался имѣвшимися у него источниками, списокъ которыхъ, помѣщенный въ концѣ работы, нельзя признать обстоятельнымъ и точнымъ. Не ограничиваясь печатными изданіями, изъ которыхъ многія являются теперь уже библиографическою рѣдкостью, авторъ широко воспользовался и рукописнымъ матеріаломъ, не исключая мѣстныхъ рукописей (Кургановъ и Волжевальскій станы), а также писцовыхъ книгъ (Клековская Лука, Пемская волость и др.).

Въ отношеніи къ исторіи монастырей подобные труды могутъ служить въ качествѣ справочниковъ для опредѣленія, напр., границъ и размѣровъ вотчинъ. Вопросъ о распредѣленіи вотчинъ между монастырями далеко не разработанъ въ нашей наукѣ, несмотря на всю его важность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каж-

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, т. II, ч. I-я, приложение X, столб. XXIIV.

дый, кому приходилось сталкиваться съ этимъ вопросомъ, хорошо знаетъ всю трудность его. При разработкѣ этого вопроса постоянно приходится имѣть въ виду слишкомъ многое. Передѣлы епархій и перемѣщеніе ихъ границъ служили причиной перехода вотчинъ изъ одной епархіи въ другую, какъ это произошло въ Костромской епархіи съ Комелой, Лажостью, Матницкимъ станомъ и др. Въ различныхъ епархіяхъ, а иногда—и въ одной и той же, встрѣчаются вотчины и волости съ одинаковыми названіями (Борокъ — Желѣзный Борокъ, Андома, Нерехотскій станъ, Плесская волость); иногда въ одномъ и томъ же стану, или волости, заключались вотчины нѣсколькихъ монастырей и церквей (напр. въ Мерскомъ станѣ); при чемъ разновладѣльческія селенія часто соприкасались одно съ другимъ, какъ Никольская и Спаская слободы; деревни поступали въ монастырскія вотчины частями, какъ, напр. Елкутово Минскаго стану—въ Костромской Анастасинъ монастырь. Иногда дѣлились на части и воды: такъ, въ 1340 г. галичскій князь Теодоръ Семеновичъ отказалъ въ Воскресенскій Солигаличскій монастырь четверть Чудскаго (Чухломскаго) озера. Мнѣ кажется, что именно исторію монастырей и всѣ эти затрудненія имѣлъ въ виду покойный о. Діевъ при составленіи своего труда, отдавая значительную долю вниманія монастырскимъ актамъ и снабжая описанія отдѣльныхъ мѣстностей всѣми имѣвшимися у него историческими справками и различными собственными предположеніями, могущими хоть сколько-нибудь выяснитъ истину. Помимо этого своего назначенія почтенный трудъ костромскаго историка можетъ оказаться очень полезнымъ пособіемъ, на что я уже указалъ въ предисловіи, при составленіи общаго историко-географическаго словаря Россіи, настоящая нужда въ которомъ уже давно чувствуется и сознается всѣми любителями родной старины.

Въ заключеніе имѣю честь предложить въ даръ Г.г. членамъ Съѣзда мои изданія, о которыхъ я упоминалъ въ своемъ сообщеніи.

Членъ Съѣзда **Ан. Титовъ.**